

НЕБЫТИЙНАЯ ЛЕГЕНДА

В одиннадцати долинах, что лежат меж отрогов Ятоунских гор, издавна жил народ селоров. Были селоры широки в кости и черноволосы, скорее храбры, чем умелы, многих врагов победили в бесчисленных схватках. Только не было между ними согласия, и часто воевали долины между собой.

Однажды удальцы из долины Альса, уйдя далеко на юг, разграбили большой купеческий караван. Среди тюков шёлка и кошелёй с монетами нашли они и девять клеток со странными, полупрозрачными существами. Те походили на цыплят, только без перьев и глаз. Они странно кудахтали и норовили клюнуть пальцы новых хозяев. Войны решили, что это демоны и думали сжечь мерзких созданий. Но последний выживший купец из каравана, что ценил жизнь больше золота, и хотел увидеть семью сильнее, чем сохранить честь - поведал им о ценности волшебных птиц.

Маленькие фиоры, птенцы, если всё без разбора. А взрослые фиоры с охотой пожирали не зерно или мясо, а всё неосязаемое и мысленное. Если кормить птенцов рукописями, то взрослые начнут красть стихи из людских умов. Если скормливать птенцам тонкие часовые механизмы - станут они пожирать время. А если потчевать их человеческими портретами, то и людям придется несладко. Эти, в клетках, еще маленькие, и их можно обучить всему, что пожелаешь.

Посмеялись воины над эдакой сказкой, но их предводитель, Удай, промыслил выгоды от фиоров. Приказал он собрать все клетки и беречь пуще глаза. Купца же велел забрать с собой, пусть расскажет побольше.

Вскоро, как прибыли они домой и порадовали родных добычей - стал Удай всё больше времени проводить с птенцами. Поставил клетки во внутреннем дворике своего большого дома, сложенного из обтесанных камней. Под специальным навесом с ширмами, чтобы не тревожить. И каждое утро приходил, пытался приручить. А всем прочим - запретил приближаться к клеткам. Сто раз он написал на кусочках пергамента слово "трусость", и дал проглотить призрачным птицам. Тысячу раз слово "неповиновение". Они ели. Еще много чего написал Удай, и многих людей нарисовал, был у него талант к изображению человеческих лиц. И только слова "несчастье", "голод", "смерть" - не получалось склевать у этих птенцов.

И года не прошло, как стал Удай главным в долине, шайки всех местных удальцов подчинил себе, разбогател, приобрел всеобщее уважение. Пусть еще маленькие, фиоры, уже могли многое. Но однажды утром клетки, в которых жили чуть подросшие птенцы, исчезли. Студенистые силуэты бродили по двору, и невозможно было посадить их в новые клетки - ведь всякий, кто пытался схватить фиоров, тут же исчезал.

Не было и пленного купца, главного знатока, что долго вез волшебных птиц с юга. И хотя среди общего ужаса многим казалось, что его отправили в небытие первым - Удай понял, что тот сбежал. Иначе зачем забрал с собой подарки, которыми благодарили его хозяева за советы? Потому, приказав домашним и близко не подходить ко двору, кинулся предводитель в погоню.

К вечеру Удай настиг купца - тот так и не бросил тюк с добром. Страшно избил его воин и потребовал ответов. Он их получил. Пленный хотел отомстить. Птицы обитали в пустыне, но не потому, что любили жару, а потому что поглотили князевство, что было там раньше. Приручить их можно было, но кормить приходилось много и ели они лишь из рук хозяина.

Ни клетками, ничем иным нельзя было удержать их. А убить можно было только одной вещью - рукожарным клинком. Надо, чтобы кузнец окунул руки в мертвую воду, тогда его коже не страшен раскаленный металл. И от начала до конца он должен выковать кинжал ладонями, пальцами и кулаками. Не трогая заготовку молотом, клещами, не кладя её на наковальню и вообще не прикасаясь к ней никаким иным металлом. Лишь тогда обретает клинок свойства, поражающие призрачную плоть фиоров.

Рассеченный на четыре части, умер купец в придорожной яме. А Удай бросился обратно, рассчитывая вернуться к утру.

Когда въехал он в родное селение - косились на него люди, и злобы была в их взглядах. Дом же встретил его запустением. Будто год прошел с его отъезда. Покосились двери, прохудилась крыша. Голо было в комнатах. И жена, и оба сына, и тетка - все исчезли. Слуг не было. По дворику ходили фиоры. Только его единственная дочь десяти лет, Тая, сидела рядом с ними, и лицо её цветом походило на придорожную пыль. Она рассказала.

Днем, когда он уехал, никто не смог удержать их прожорливости. Хозяевами были птицы в доме, и вещь за вещью исчезала вокруг. Слуги убежали от страха. Братья попытались убить фиоров. Но ни сталь, ни огонь, ни большой камень не смогли взять их - как вода сквозь песок, стали просачиваться они сквозь все преграды, а лезвий и пламени просто не замечали. Братья ушли в небытие. Мать заплакала и прокляла птиц, но те бросились к ней со всех сторон - они еще никогда не клевали слез. И её тоже не стало. А тётя Долха просто умерла, сердце не выдержало. Тело вытащили двоюродные братья - сейчас они у себя, совет держат.

Что же Тая? Её не тронули. Она ведь тоже привязалась к ним. Когда все ложились спать, она пробиралась к клеткам и кормила птенцов всякой всячиной, ей нравились синие искры, что иногда проскакивали в их полупрозрачных телах.

Страшно закричал Удай и стал кулаками бить землю, однако вскорости затих. Он лежал почти без памяти, и казалось ему, что корни растут из его тела, и никогда не сможет он встать. А по весне даст он побеги и прорастет среди двора ореховое дерево. Но не сошел Удай с ума, здоровая натура победила безумие. Пошевелился он, сел рядом с дочерью, а спустя короткое время сказал ей принести воды, если в доме осталась еще хоть одна чашка. Надо было жить дальше, думать, что делать. Разбираться с той бедой, что принес он в родные края.

Воин опасался, что соседи подожгут их дом, однако в сердцах их стало слишком много повиновения.

Следующим утром, он собрал большой сход в селении. Сказал он людям, что есть у них теперь чудесное оружие. И не остановит их никакой враг, и не одолеет никакая напасть, и не сокрушит никакая сила. А чтоб стали сами они много сильнее, и могущество принесло им богатство - надо чтобы весь народ селоров встал под одну руку. Под его.

Так он думал выиграть время, дать пищу волшебным птицам, и заодно достичь своих планов, не зря же пропала почти вся его семья. А когда сход решил начать войну, и по обычаю выбрали командиров и гонцы пошли в разные концы долины поднимать людей, Удай специально отрядил экспедицию за мертвой водой. На восток, за море Борцов, где есть её редкие источники. Он послал туда своего самого верного подручного, Симая, дал ему половину денег, что оставались в доме после вчерашнего, и приказал не возвращаться без нужной жидкости. Еще Удай записал рецепты борьбы с филорами на семи пергаментях, и раздал запечатанные свитки ближайшим друзьям и родственникам.

В первом же сражении птицы уничтожили разум командиров долины Ойса. И выкрали меч из руки главного ойского богатыря. Их дружина сдалась после получасового боя. Филоры прошли по полю, уже оставленному войсками, отправляя в небытие все незнакомые им вещи. Удай назначил управителя, оставил при нем дочь с двумя птицами и сотней верных. Потом присоединил побежденных бойцов к своим, и двинулся дальше.

Уже три месяца в Сае, столице только основанного Ятоунского княжества, его короновали. Это был рассвет. Дымы не угасших ещё пожаров делали всходящее Солнце красным, и первый снег этого года, хрустевший под ногами и во многих местах залитый кровью, казался предвестьем грядущих сражений. Правильные ряды конницы и пехоты стояли по краям большой площади. И все жители Сая, что сгрудились в середине - были покорны Удаю. А те, кто не хотел добровольно изъявлять покорность, просто желали быть, существовать. Короны по такому случаю не успели изготовить. Обошлись без венца

- ему постригли голову в кружок и дали золотой меч из храма Ёкая, легендарного отца всех селоров. Тая стояла за правым плечом князя.

Можно было передохнуть.

Удай отрядил за мёртвой водой еще несколько экспедиций, неизменно держа всё в глубоком секрете. Он хотел получить нужную субстанцию с запасом. Но даже самой первой надо было ждать. Князь думал организовать большой поход, в котором птицы смогут наедаться до отвала, однако и боялся этого похода - ведь придется поссориться сразу со всеми соседями и потом бороться не на жизнь, а насмерть. Прочие страны захотят отыскать фиоров, приспособить их к своим нуждам. И что тогда случиться? Очередная пустыня? Но и без похода никак было невозможно, ведь новая большая единая армия жаждала добычи, славы.

Часто спускался князь в подвал, с крепкими дверьми и крестовыми, нависавшими над головой потолками, где жили теперь птицы. Смотрел на них, думал.

Тут выяснилось, что его дочь поладила с фиорами много лучше, чем он сам. Она еще при жизни родных дала им клички, различала по только ей заметным приметам, могла погладить и при том не рисковать исчезнуть. Даже воплощенное небытие нуждалось в ласке. Тая сама поняла, что фиорам нужны не груды тел, но то самое неосязаемое, без чего невозможна сама жизнь. Тогда они, уже выросшие до размера индюка, будут сыты и спокойны.

Удай смог лишь заставить птиц сводить с ума вражеских командиров, а Тая научилась приказывать фиорам красть что угодно. Обрадовался князь такому искусству собственной дочери, стал использовать в делах государства. Приговоренные к смерти стали обычной пищей студенистых мутноватых созданий, вместо книг и картин. Но теперь тела преступников оставались на месте, и даже жизнь не всегда покидала казнимых. Умения совершать кражи, держать в руках меч, сидеть на лошади - они вдруг исчезали из их голов. Человек непонимающими глазами смотрел на переливающегося искрами фиора и уходил на своих ногах.

Ворам приходилось учиться ремеслу по второму разу - и чаще их забивали до смерти лавочники, прежде чем они понимали, как нежно надо срезать кошельки. Бунтовщики становились как дети и радостно слушали объяснения, отчего это они восставали против князя. Разные умники - хоть и мало их было в Ятоунском княжестве - забывали буквы и тупо разглядывали страницы книг.

Прикидывал Удай, что в будущей войне можно не так явно выводить фиоров на поля битв, не превращать сражения в открытые поединки людей и нечисти. Стал дальше ждать мертвую воду, считая дни, и прикидывая, где сейчас самый первый караван. Приходилось устраивать армию такой, какой он видел её в империи Анор. Находить командиров потолковей, ковать оружие, учить соседних долин воинов не презирать друг друга. Надо было просто ждать весны, потому как зимой невозможно было собрать всё войско в кулак. В свободное время, как мало теперь его стало, начали посещать Удаю мысли, что и после похода не следует изничтожать всех птиц, а лучше оставить одну, двоих. И на всякий случай, и чтоб недовольные боялись. Но пока, еще до похода, вывести лишних.

Новые командиры наперебой старались показать ему своих дочерей, а возникшие как из-под земли советники, начинали заводить беседы о необходимости оставить наследника, прежде чем идти в бой. Но гнал он их, не мог забыть жену и сыновей, не убирал из памяти прежнего своего счастья. И он дождался мертвой воды.

Когда, наконец, клинки были выкованы в подвалах княжеского дворца, - этих клинков было только шесть. Осторожный ныне Удай отрядил сделать дело людей, у которых были свои счеты к птицам. Трех фиоров князь решил оставить.

На закате в подвал, где теперь жили фиоры, из потайных дверей бросились добровольные палачи. И только успели пятеро из них вонзить клинки, как оставшиеся фиоры превратили людей в пустоту. А потом, расправив крылья они прошли прямо сквозь камень и нашли кузнецу, и её сделали прахом. Погиб и Симай, тот самый подручный,

возглавлявший караван. Богато награжденный Удаем, в ту секунду мирно спал у себя дома, но просто исчез. Пустой халат остался на тахте. Той ночью ни один человек в Сае не мог быть спокойным за свою жизнь, и порой самому князю чудилось, как из стен выходят фиоры, и бесполезно искать укрытие от их не прозревших глаз. Но те, видно не разобрались до конца, не поняли, чей был приказ. Или пожалели Таю.

А наутро пришлось Удаю принимать парад, демонстрировать воинам четырех оставшихся птиц и объявлять войну. Народ подчинился князю, думая разбогатеть. Пора было брать добычу.

Многое можно сказать о той войне, но сотни песен были сочинены воинами Удая и тысячи листов пергамента много позже историки превратили в книги. Скажем главное. Князь поступил мудро, не уничтожив до конца ни одну из окружающих держав, иначе бы селоры переселились в другие столицы и расточились среди многих племен. Ни разу не стал военным лагерем прямо в городе, а всегда лишь давал воинам грабить его. Удай изрядно округлил свои владения, получив громадную дань и множество рабов. Война, начиная от парада ужаса и заканчивая другим парадом, когда на новых границах был мир, а разбогатевшие войны вернулись в свои новые дома - шла пять лет.

Тае пришлось быть среди солдат, потому как фиоры стали слушаться лишь её. Армии разбежались перед ней, сдавались города и многие полководцы первыми уходили из жизни, не дожидаясь, пока она вытащит из их голов сокровенное на всякой войне знание. Обычным воинам приходилось добывать уцелевших и выносить на своих плечах множество мелких стычек, вспыхивавших там, где не было видно фиоров. Вылазки и мелкие восстания не утихали, и хоть поначалу многие ворчали на Удая, что не берет он главной добычи, уже через три года все воины поняли его мудрость.

Черноволосая и зеленоглазая, с двумя косами до пояса, стройная, очень похорошевшая, Тая была полной хозяйкой лагеря. Ведь кто мог стать у неё на пути, постоянно окруженной четверкой фиоров? Кто мог что утаить от неё, забывая причины молчать? И всё то она увидела, и всего попробовала. Но злобности, жадности или подлости - в сердце не поселилось. Сражения и казни стали для неё работой, необходимостью. От подобных обязанностей жутко устают, и даже угодливые поклоны окружающих уже не могут развлечь. Однако, понимая, что от работы никуда не деться - Тая начала прилежно вникать в дела воинского совета, внимательно слушать отца и пытаться разобраться в той мерзкой, но увлекательной субстанции, что зовется политикой.

Удай прикидывал, как лучше выдать эдакую доченьку замуж. Имелось несколько подходящих кандидатов - из новой знати, что выдвинулась в непрерывных боях. Еще не старые вдовцы, что могли переломить мозолистыми руками шею коню и не боялись ходить в атаку на фаланги врагов. Или их сыновья, пусть и менее искушенные в интригах, наделенные красотой молодости и всё той же силой. При самом первом осторожном разговоре Тая обидно рассмеялась в лицо и ему, и будущим женихам. От её полупрезрительных насмешек и чуть окаменевших губ те передумали свататься, а Удай лишь развел руками. Многие знали причину её отказа.

Молодой воин, Юсуй, из нищего и малопочтенного рода, в чей шатер она бегала чаще других. Не был он особенно силен или красив, ни даже военной удачей более других похвастаться не мог. Наверное, он умел не бояться воплощенной пустоты, что бегала вокруг Таи, или не презирать её за союз с силами тьмы. Умел не лгать и не видеть в ней только дочь своего отца. Кое-кто, из наиболее бесхребетных льстецов, уже раздумывал, как принимать в первую семью княжества наименее заслуживающего почтения воина. Но Юсуй погиб в очередной мелкой стычке. Наконечник стрелы, засевшей в его спине, был отравлен.

Тая плакала на его могиле, полупрозрачные птицы, грузно переваливаясь в ноги на ногу, заглядывали её в лицо и ничего не понимали. Она умудрилась отдать такой приказ фиорам, что каждый, идущий мимо надгробья, и не снимающий шапки - лишался волос. А

всякий, кто пытался эту могилу осквернить - и головы. Надо сказать, что это был единственный случай, когда ей удалось перевести свойства птиц на самый обычный предмет - надгробную плиту.

Отец успел перехватить дочь, когда та после похорон слепо шла по лагерю, и горе еще не дало ей вздохнуть полной грудью. Вышел длинный разговор. В его шатре. Она кричала и обещала, что найдет виноватого, отыщет хоть за небом, и тот много раз будет жалеть, что не умер первым. Однако Удай, грустно смотря на фиоров, отсоветовал ей искать главного злодея. Удивилась Тая и прямо спросила, не он ли приказал смазать стрелу ядом. Миг этот стоил князю седых волос больше, чем самая жаркая схватка. Он честно сказал, что нет. Даже не знает, кто придумал этот заговор. Но если Тая отыщет виноватого и вот так, публично, расправится с ним - она пойдет против всего войска. Каждому из воинов хочется славы, богатства, власти. И всякий, кто застит солнце другим, прыгая выше своей головы, её же и лишится. Лишь десять родов из всего народа селоров могут выставить претендента на её руку и сердце. Прочим лучше молчать.

Вспомнила Тая те интриги и заговоры, что уже наблюдала в отцовом шатре. А тут, как вовремя, к шатру притащили труп плешивого Хо, мелкого труса, известного своим воровством. С поклоном сказали Тае, что это он, что нашли у него яд, такой же. Пожадничал мерзавец, и не захотел выбрасывать редкую отраву. Печально улыбнулась Тая и с миром отпустила добровольных сыщиков.

Окрестные державы попытались сами добыть фиоров. Нелегким оказалось это дело. Купцу, с которого все началось, повезло напороться на осиротевший выводок. А чаще, чем в четверть столетия фиоры не неслись, и птенцов своих защищали очень упорно. Единственного добытого империей Анор птенца - приручить не получилось, не нашлось там второй Таи или просто птенец попался больной. Правда, врагам Ятоунского княжества удалось раздобыть рецепты борьбы с мутноватыми студенистыми птицами. Они выковали дюжину рукожарных кинжалов и наконечников для стрел - но воины защищали фиоров яростней, чем себя. Второй рецепт, без которого не смогли бы выжить люди в поселениях вокруг той самой южной пустыни - требовал бросать в птицу горсть сушеного тысячелистника. Неведомо почему боялись птицы этого порошка, убегали. Однако, эта задумка тоже не прошла, она действовала лишь на диких фиоров.

Между державами установилось новое равновесие.

Так начался золотой век Ятоунского княжества. Дивно украсилась столица. Воздвиглись в Сае новые дворцы с ажурной каменной резьбой, расцвели сады, где круглый год на траву сыпались благоухающие лепестки, зажурчали фонтаны, что по праздникам исторгали вино. Щедрым человеком был Удай, и все его подданные могли полной чашей черпать из княжеской казны, рассчитывая на его милость. Каждое селение могло теперь похвалиться мостовыми. Многие ремесла первый раз поселились в долинах. Чеканщики-ювелиры, стеклодувы, мастера булатных клинков. Стали делать шелковые ткани, а шерстяные и льняные - не обходились без узоров. Умения духа тоже не обошли Сай стороной. Прибыли и художники, и поэты, и завелись среди селоров собственные хронисты.

Князь радовался, смотря на государство, и казалось ему, что искупает он грехи перед умершей семьей, что все счастливые дети своими улыбками оправдают его на суде предков. Удай внял настойчивым советам своих мудрецов, женился, и ныне были у него новые сыновья, и новые дочери. Ни на миг не забывал он про них, старался, чтобы даже призрак фиоров не явился поблизости и старался научить всему, что знал сам.

Но все в княжестве понимали, что наследницей будет Тая.

Ей нравились и шелка, и украшения, и танцы - только власть привлекала не меньше. Она не забыла собственного бессилия перед лицом воинов, когда в одиночестве каждый был готов поклониться ей, но вместе они делали, что хотели. Решила Тая, что подобного не повторится никогда. Вернулась из похода она уже беременной, но ни одна живая душа не

могла ответить, кто отец. Даже он сам. Тая теперь быстро и легко крала память людей, и сказать, где она была и что делала - не мог ни один соглядатай. Сына назвали Золкаем, в честь прадеда. По этому поводу ходило присловье, что внуку Удаю княжество будет подчиняться охотно, ведь каждый воин разглядит в нём своего родственника. Еще судачили, будто отцом ребенка стал подземный дух Ярпенг, но много меньше охочих было повторять эту историю.

А когда прошло несколько лет, и Удай начал стареть, отдавая ей все больше места на троне, возникла еще причина ни на миг не оставлять государство без присмотра. Их было даже две, ибо настоящее благополучие всегда могут выдержать одну напасть.

Ифилиты и ацары.

Удай так и не дознался у купца, кому он вез птенцов, и хоть много разных ответов получил, ни один из них не был правдой. Ифилиты, сектанты из мелких, враждующих между собой королевств, раскиданных вокруг моря Борецов. Долго они мечтали заполучить фиоров, желая с их помощью возвеличиться, сплотить вокруг себя страны и народы. Но судьба решила иначе.

И вот стали они селиться в княжестве. Тихо и осмотрительно вели они себя, не уставали прославлять величие князя и красоту его дочери. Однако, неизменно добавляли, что маловато княжество, много большего следует добиваться. Щедрое небытие даст обильные земли и тучные стада. И были у них книги, с большим количеством пророчеств, каждое из которых обещало славу и богатство властителю фиоров. И учили они не бояться пустоты, ибо плоть слаба, грешна, только удовольствие может дать она, а вот пустота дает покой избранным. Много находилось людей, что поддерживали их и принимали обряд священия мертвой водой. Кому хочется работать, если добро легко отобрать у соседа?

Ацары были люди совсем иной закваски. Их сочинила Анорская империя, ибо еще десять лет назад в Ятоунских долинах слыхом о них не слыхивали. Проклинали они небытие, грозили вечными муками за единую денежку, полученную от нечистого разбоя. Демонами почитали фиоров. Кляли гордыню князя и не уставали напоминать страшную судьбу его близких. И у них имелись фолианты с пророчествами. Приходилось им говорить в полголоса и таиться по подвалам, ибо любой воин готов был убить их за поношение княжеского имени. Однако же, у них тоже находились приверженцы - как трусы, боящиеся фиоров, так и умники, что видели, в какую бездну может свалиться княжество.

Родовые жрецы селоров мало что могли сказать в ответ. В песнях и преданиях ничего не говорилось о полупрозрачных, мутноватых птицах, которые могут повергать в прах царства. Потому меньше становилось верных, приходили в запустение храмы и зарастали травой самые старые капища. И ничем тут не мог помочь бесценный дар птиц - ведь нельзя же выкрасть их человеческих голов жажду наживы, так чтобы люди оставались людьми? Или желание богатства, славы, завоеваний? Не подданные тогда будут, а чурбаки. Лишая человека трусости, нельзя выкрасть весь страх из людских голов, ибо не проживут долго люди. Можно, правда, красть память о пророчествах новых сектантов, но что делать, если всё забыв, открывая старую книгу, человек примет её в своем сердце. Во второй раз. И в третий.

А многие ворчали, что слишком усердно потчевал Удай маленьких фиоров обрывками священных текстов, ушла из народа вера и не вернуть её никогда.

Была весна, и цвела акация, и был первый удачный заговор против князя.

В тот день Тая танцевала на большом майском балу Теплых ночей. Очередной кавалер пытался привлечь её внимание, они кружились среди других пар. Благовония, мерцающие блики светильников, мелодии свирелей. А Удай, не любивший новомодных увеселений, выслушивал прошения в задних комнатах дворца. Это была одна из тех немногих обязанностей, которые он сам на себя возложил, и которые неукоснительно соблюдал. И от очередного просителя, небогатого многодетного ткача, получил нож в печень.

Когда утихла первая суeta, и связанный убийца лежал перед умирающим князем, Тая стояла тут же и ничем не могла помочь отцу. Лекари прикладывали к ране целебные травы и пытались плотнее наложить повязку, но простым глазом было видно, что они уже не надеются на счастливый исход. Пошевелился убийца, разлепил разбитые губы и сказал княгине, что ждут её великие дела и он освободил ей дорогу. Ни тогда, ни позже не удалось разузнать - ифилит он или ацар, тот сам уже этого не понимал. Однако Тая, в миг, когда умер отец, во исполнение дочернего долга, страшной смертью прошла и по тем, и по другим.

В ту ночь лишились многие ифилиты кожи. И лишились многие ацары костей. А каждый пришлый проповедник забыл, как говорить. И как дышать. На всякий случай.

Утром она стала полноправной княгиней.

Казалось, что всё вернулось на круги своя, как в лучшие годы. Приходила дань от соседних государств, строились дома, плодился скот. Но исчез покой.

Все знали теперь, что лишь на биении одного сердца держится непобедимость княжеских войск, и сердце это принадлежит женщине, пусть она и убила людей больше, чем величайшие героини прошлого. И никуда не делись ифилиты, провозгласившие эру предсмертного покоя. Множились ацары, называвшие княгиню ведьмой. Надо было что-то делать.

А Тая не делала ничего.

Нет, власть она не выпустила. По-прежнему помнила всех сотников княжества, знала в лицо всех чиновников и лично проверяла казну. Когда же соседи пощупали границы княжества мелкими набегами - понесли крупные потери, и много было идиотов после явления фиоров на поле боя. Пришлось вора и ночным разбойникам выходить драться. Ведь зачем искать налетчиков по урочищам и лесам, когда можно красть души у их семей?

Но она не понимала, как жить дальше. Ифилиты были ей противны, потому как слишком любила она жизнь, и та смерть, что уже много лет не отходила от неё дальше пяти шагов, вовсе не казалась ей священной. Ацары были её врагами. Их она убивала при первой возможности, однако не удавалось ей вывести всех.

Потому решила Тая - пусть идут года, пусть мужают юноши и хорошеют девушки, пусть рождаются дети. И все привыкнут к такому порядку вещей. Перестанут его оспаривать. Княжество устоит в новых границах. Надо лишь перетерпеть, переждать.

И она стала ждать. Заодно развлекаться.

Храм в память отца. Летний праздник по случаю конца траура, на котором она танцевала в бордовом платье цвета крови поверженных врагов. Очередной фаворит, Ёрук. Новый мраморный дворец. Осенний карнавал, и златотканое платье, цвета падающих листьев. Свежий партнер, который ничего не спросит у старого, потому как старый забыл. Фонтаны на площадях Сая, что заработают в следующем году. Каштаны в новых садах, что распустятся по весне. Дальняя крепость, на холмах Урдег, что закроет путь грабителям и не даст уводить скот. Первый виноград на горных плантациях. Праздник начала зимы. И, разумеется, превосходное платье и кавалер, ему под стать.

Год за годом, год за годом. Разве только родился второй сын, тоже от забывчивого отца.

Только надо казнить ровно столько людей, сколько необходимо. Красть из умов неповиновение. Воровать бунтарство. Тонко, элегантно. Становиться матерью народа.

Все новые ходы выискивала Тая в воровстве. Могла похитить любовь, могла - вдохновение. Умела выкрасть случайный порыв души, вспышку ярости. Почти научилась воровать ифилитскую ересь, только люди часто оставались безъязыкими скотами после её опытов.

Но вот стала она отдавать птицам новый приказ. Впервые случилось это в садах, в пору сбора урожая. Тая с ближней свитой, устроила маленький праздник. И, заодно, по церемонии, клялась не истреблять плодов земли. Все заметили яблоко, спелое, красно-

золотое, что сорвалось с гнушейся ветки, и готово было стукнуть княгиню по макушке. Тая с фиорами на миг исчезла. Испуганный вздох, и вот она снова среди людей, а яблоко валяется у неё под ногами. Удивленно посмотрела Тая на краснобокое яблоко, на приближенных, и рассмеялась, хлопая в ладоши. Княгиня уходила в небытие. Но не совсем. Она краля время бытия у самой себя.

Не сразу сообразили подданные княгини, что из этого последует.

Скучно ведь жить, пусть и самой деятельной правительнице. От карнавала до карнавала, от праздника до праздника. Даже власть скучна - ведь между отдачей приказа и его исполнением всегда проходит вечность. И мелочи, они так утомляют. Надо ведь красиво повелевать, подписывать исторические документы, закладывать новые здания. Но к чему рутинная каждодневная работа, вся эта изнанка управления государством? Помощники справятся и без неё, ведь их всегда можно проверить. Пусть же будет у неё ступенчатое существование, как если бы весь год состоял только из праздников.

Тая начала жить пунктиром. Она краля у судьбы вначале часы, потом и дни. Глотала серые дождливые осенние вечера, разменивала лишние ночи. Исчезала посреди бала - и появлялась за сутки до следующего. Надо ведь отоспаться перед праздником? Стала заниматься делами лишь дважды в неделю. Пришлось заводить специального человека, что дежурил в тронном зале и каждые полчаса переписывал сводку важнейших событий и скандальных происшествий. Ведь никто не знал, когда пожелает возникнуть княгиня, а всё срочное и необходимое - надо было рассказать за пару минут.

А потом Тая сообразила, что не стареет на украденные дни. Верней, убедилась в этом, потому как и раньше знала, что уходит она туда, где нет времени. Какая женщина может устоять против такого соблазна? Тем более, когда первые морщинки уверенно собираются под глазами и по утрам хочется разбить злое зеркало.

Княгиня уже меньше обременяла подданных своим присутствием. Ежедневной рутинной стал управлять государственный совет. Правда, не смогла она украсть идею воровства из голов его членов, так, чтобы те еще могли работать. Но решила, что не объест княжество сотня советников.

Многие селоры, из тех что оставили военное ремесло и взялись за торговлю, решили, что жить стало еще лучше. Не множатся расходы на княжеский двор. Нет страха косо посмотреть на княгиню, с пьяных глаз сказать чего лишнего. Преступников уже и фиоры даже умения дышать не лишают, а там, просто всех подельников забыть заставляют. Спокойствие совсем рядом, стоит протянуть руку.

Ифилиты между тем множились, искушая храбрецов славой. Мелкие стычки на границах окончательно не утихали. Карательные экспедиции наведывались в столицы соседних государств, иногда Тае приходилось сопровождать их, но со всё меньшей охотой делала она это.

Рос её первенец. Превратился в стройного, такого же как мать и дед черноволосого, юношу. Умные глаза, быстрые движения, тонкие пальцы. Его учили скорее расчетам, чем фехтованию, скорее танцам, чем верховой езде. Двор пытался сделать из него обыкновенного монарха, как в сопредельных странах. Мать он видел редко.

Отвыкли подданные лицезреть свою княгиню, пусть и висели её портреты в каждом богатом доме.

Была осень, и шли дожди, и вырос новый заговор. Почти мятеж.

На балу, среди горящих свечей, вальсов и сотен отражений в зеркалах, вперед вышел её сын. А с ним полсотни довереннейших её советников. Они с поклонами заявили ей, величественной, сверкающей диадемой, кольцами и ожерельями - что необходима война. Настойчиво доказывали необходимость большого похода, что возродит старые традиции. Битвы принесут больше славы, богатства, земель. Хватит развлекаться и накапливать могущество.

Спешно ушли из роскошной залы все посторонние, и осталась Тая лицом к лицу с сыном и его приверженцами.

Долго смотрела она на Золкая, и поняла, что этот юноша семнадцати лет не лжет. Он вправду желает войны. И наверняка будет воевать. Для верной, легкой победы ему необходимы фиоры. Пусть мать научит его отдавать приказы этим птицам, а сама подсчитывает добычу. Жажда славы стала сердцевиной его существа, самой сутью, и нельзя её вырвать.

И советники, что толпятся за ним, желают государству добра. Расширения границ, увеличения казны. Набрать чуть больше уважения в глазах соседних стран.

Но видела она, что превратят они земли в пустыни. Слишком пахнет от них ленью и ифилитской ересью. И уж совсем невозможно научить Золкая управлять взрослыми фиорами.

Отстраненным голосом спросила она, есть у сына дети? Услужливый голос из задних рядов заметил, что одна из фрейлин уже беременна от него.

Кивнула Тая - и украла полсотни лет жизни Золкана. Не времени мира, что переваливается вокруг тысячью красок, но времени тела. Поседели его волосы, согнулась спина, скрючились пальцы. Юноша обернулся стариком.

Ужаснулись заговорщики, ибо если так она обошлась с сыном, то что для неё их жизни? Хотели броситься на неё всем скопом и у многих обнаружили рукожарные клинки. Другие попытались бежать или молить о пощаде. Начался грандиозный кавардак, когда все пытались пройти сквозь всех. Лишь двоим не было дела до криков. Золкаю, который плакал, глядя на свои пальцы, и ей, мерцающей по залу, как солнечный зайчик.

Половина людей, забыла кто они и откуда. Ифилиты, или те, кого она сочла таковыми, по старой привычке остались без кожи. Сыну Тая приказала уходить в скит. Молиться. Чем выше в горы, тем лучше.

Полгода Тая держалась вполне пристойно. Забросила праздники, забыла о танцах. Собрала новый государственный совет. Прошлась по границам. Повывела казнокрадов. Дождалась рождение внука. Взясась за учебу младшего сына, Дзатая, и добилась, чтобы он перестал вздрагивать, когда она заходила в его покои. Перетряхнула военные дела и проследила за устройством арсеналов.

Нашла деньги мостить дороги через перевалы. Заложила цепочки караван-сараев вдоль новых торговых путей. Устроила каменные сторожевые башни по границам. Сады у каждого постоялого двора. Наконец, чтобы понять, насколько умножились поданные - Тая затеяла перепись населения.

Много она успела сделать. Но иногда, замирала по долгу и думала, можно ли было повернуть дело иначе, не превращать сына в старика. И после того, как родился внук, снова начала по десять раз на дню смотреться в зеркало. Воскресла косметика. Зашептались по углам портные и ювелиры. Очередной кавалер смог гордо вышагивать рядом с ней на балу.

И пошло воровство времени. Скучный день. Дождливая неделя. Стылый месяц.

Только в этот раз Тая пропалывала двор, как селянин пропалывает поле. Ни один советник не мог спокойно лечь спать - в полночь могла она явиться к нему и заставить забыть все причины молчать. Каждая из нянечек внука и все наставники младшего сына знали о бренности бытия, представляли, по какому тонкому льду ходят. В таких условиях плести заговоры - себе дороже.

Еще несколько лет намотались на бесконечную катушку с нитью времени.

Было лето, и пыль заслоняла солнце, и сложился третий заговор.

Ей никто не грозил. Ни на чем не настаивал. Просто в пустой комнате ждал её советник отца. Уже совсем седой, с лицом похожим на плесневелую курагу. Перед ним, на маленьком кедровом столе, лежали четыре кожаных футляра. Тая очень хорошо помнила эти футляры, потому как через несколько дней после гибели семьи ей самой приходилось заливать их сургучом. Там хранились предписания по борьбе с фиорами. На столе не было ни крошки сургуча. И футляры были пусты. Надо было поговорить.

Старик-советник закашлялся, и спросил у княгини, многих ли она казнила за последний месяц своей жизни. И у многих ли отняла память.

Тая удивилась такому вопросу, и заметила, что все они были виновны.

Не отрицал этого собеседник. Лишь заметил, что виновных становится всё больше. Он - последний, кто начинал историю, кто грабил тот самый караван с фиорами-птенцами. И никогда ему не признать воплощением тьмы девчонку, что на его глазах выпрашивала у отца игрушки. Вот остальные могут это сделать.

Намекнула Тая, чтобы старик выражался явственнее.

Тот ответил. Многие хотели бы убить её и управлять фиорами. Многие - убить фиоров, а она пусть доживает. Но убивать надо вместе, иначе ждут княжество великие бедствия. Это знают все. Однако, если убить всех пятерых, тоже не будет ничего хорошего. Тяжелая война. Равно как и оставить всех в живых. Продолжатся казни. Правда в том, что многие уже не могут упираться в этот тупик. У людей сил нет. Найдется отчаянный ацар или сумасшедший. Или заговор удастся. Скорее всего, будут убивать фиоров, все бояться оставить их без хозяйки. А ежели будет она быстрее и решительнее всех покусителей, то селоров не станет. Народ обернется стадом, трусливым и покорным. Надо решаться, девочка.

Села Тая напротив старика, с натугой вспомнила его имя - Кмаргай - и спросила, есть ли у него способы помочь беде.

Вздохнул Кмаргай и продолжил. Если желает Тая править - надо делать это каждый день. А если желает веселиться - пора отдавать власть. Выбор за ней.

Уж не ему ли, не шайке казнокрадов править страной? Или подыскал он более достойного кандидата на трон?

Зачем вообще отдавать корону, рассуждал старик. Тая пусть остается княгиней. В целом свете нет человека, кто мог бы так общаться с фиорами. Да второго такого сердца, что может понять воплощенную пустоту, не будет еще сотню лет. И как объяснить народу нового владыку? И как предотвратить дружный поход соседей? Пусть будут править советники.

И так ловко повернул Кмаргай разговор, что вскорости решали они только одну проблему - кто и как будет назначать советников.

Старый воин Удая с княгиней целый день обсуждали мелочи. Слуги вносили пергаменты, еду, ставили канделябры, а разговор всё шёл и шёл.

С тех пор Тая стала появляться только на шести больших годовых праздниках, блистая новыми украшениями и платьями неземной красоты. А в Ятоунском княжестве завелось народовластие, потому как всем миром люди назначали советников.

Идут редкие сражения на границах, мелкие уточнения рубежей и дани. Ифилизм стал общей верой, только люди особенно не усердствуют в исполнении его заветов. Все помнят об ацарах.

Но когда-нибудь Тая поймет, что красота её ушла окончательно. Что кавалеры - хотят денег и только их. Что она теперь одинокая старуха и нет для неё настоящей любви, потому как сын, внук, сводные братья и сестры лишь по праздникам вспоминают её лицо. Обрыднет ей веселая жизнь. И воля станет крепче страстей, и величие засияет ярче покоя. И мощь государства останется единственной опорой души.

Что будет тогда со вселенной?

Июнь 2006